

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY,
КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

*Россия, Тюмень.
Лаборатория антропологии и этнологии. Институт проблем освоения Севера.
Сибирского отделения Российской академии наук. Младший научный сотрудник.*

*Russia, Tyumen.
Laboratory of Anthropology. Institute for Problems of Development of the North.
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences. Research assistant.*

Roman.Poplavskiy@gmail.com

*Россия, Тюмень.
Лаборатория антропологии и этнологии. Институт проблем освоения Севера.
Сибирского отделения Российской академии наук.
Кандидат исторических наук, старший научный сотрудник*

*Russia, Tyumen.
Laboratory of Anthropology. Institute for Problems of Development of the North.
Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences.
Candidate of sciences in History, senior research assistant.*

vormpk@gmail.com

«КАК ТОЛЬКО Я ПЕРЕРОДИЛСЯ...»

КОНВЕРСИЯ И РАССКАЗЫ О НЕЙ В ПЯТИДЕСЯТНИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ: СТРУКТУРА И ФУНКЦИИ

В статье на примере интервью с пятидесятниками анализируется один из видов религиозных нарративов — конверсионный нарратив. Следуя концепции У. Лабова, авторы рассматривают его основные структурные составляющие: «вступительную часть», «ориентацию», «оценку», «решение», «усложняющие обстоятельства» и «коду». Для конверсионных нарративов пятидесятников характерной чертой является повторение этапов «ориентация», «оценка» и «решение». Завершается нарратив констатацией текущего положения дел, статуса рассказчика в общине, итогов его развития в духовном и материальном плане. Подобная кольцевая структура делает акцент на важности обращения к богу для верующего и позволяет вновь и вновь сравнивать жизнь человека до уверования и после него. Авторы подробно разбирают центральную категорию конверсионного нарратива («кризис») и особенности восприятия времени верующими, находящие отражение в их рассказах об обращении; рассматривают то, каким образом в нарративах воспроизводятся причины конверсии и конверсионные ритуалы; подчеркивают роли слушателя и рассказчика в создании нарратива, отмечая, что содержание и функции нарратива будут зависеть от того, является ли слушатель верующим; а если слушатель верит в бога, то — какой статус в общине он занимает. В статье делается вывод, что каждый раз в нарративе происходит конструирование новой индивидуальной и коллективной религиозной идентичности рассказчика.

Ключевые слова: религиозный нарратив, конверсионный нарратив, структура и функции нарратива, пятидесятничество, конверсия, конверсионные ритуалы, кризис веры, религиозная идентичность

“Once I Was Born Again...” Conversion and Stories about the Pentecostal Tradition: Structure and Functions

The article analyzes a unique type of religious narrative — conversion narratives — based on examples of interviews with Pentecostals. Following the concept of William Labov, the authors review the narrative’s main structural components: “abstract”, “orientation”, “evaluation”, “resolution”, “complicating action”, and “coda”. Pentecostal conversion narratives are characterized by a repetition of the steps of “orientation”, “evaluation”, and “resolution”. Conversion narratives conclude with a statement about the current situation: the status of the narrator in the community, and the results of his development in spiritual and material terms. This type of circular structure emphasizes the importance of the believer’s turning towards God, enabling him again and again to compare his life before and after conversion. The authors provide a detailed analysis of the central category of the conversion narrative (“crisis”) and a special perception of time, as experienced by believers, which are reflected in the stories about their conversion. The authors examine the way the causes of conversion and conversion rituals are reflected in the narrative. They emphasize the roles of the narrator and the listener in creating a narrative, noting that the content and functions of narratives depend on whether the listener is a believer, and if he believes in God. Next, they discuss the believer’s status in the community. The article concludes with the idea that the individual and collective religious identity of the narrator is repeatedly constructed in the narrative.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

Key words: *religious narrative, conversion narrative, structure and functions of narrative, Pentecostalism, conversion, conversion rituals, crisis of faith, religious identity*

Даже краткий экскурс в историю возникновения и развития различных религиозных традиций обнаруживает важное место повествования, которое сложно переоценить. Иисус Христос, пророк Мухаммед, Будда и другие центральные фигуры мировых религий рассказывали о своих учениях последователям, а те, в свою очередь, распространяли весть о том, чему были свидетелями или о чем слышали от других. Во многих религиозных традициях религиозное знание сначала передавалось устно, и лишь потом его стали записывать.

Религиозный нарратив — один из наиболее ярких примеров того, как рассказчик упорядочивает события, которые иначе не были бы между собой связаны, соединяя прошлое, настоящее и предполагаемое будущее¹. При этом описываемые события могут в реальности отстоять друг от друга на многие годы, однако для самого рассказчика быть связанными между собой. Так, бывший пастор тюменской Церкви евангельских христиан «Преображение», рассказывая об истории возникновения общины в начале 1990-х гг., отсылает исследователей к общине евангельских христиан, существовавшей в Тюмени в 1920-е гг.² Для него эти два события, разделённые семью десятилетиями, следуют одно за другим, в то время как, на самом деле, современная община возникла в 1991 г. в результате разделения Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» г. Тюмени³.

Среди религиозных нарративов особенно интересны нарративы конверсионные⁴. В процессе рассказа верующий пе-

рестраивает свою персональную биографию, выводя на первый план одни события, игнорируя другие, отводя на второй план третьи⁵. Таким образом, в нарративах отражаются изменения во «вселенной дискурсов» рассказчика⁶. В конверсионных нарративах отчётливо проявляется особое восприятие верующими времени: рассказчик делит свою жизнь на две части — греховное прошлое (до обращения, уверования) противопоставляется праведному настоящему. При этом сам переход от греховной жизни к праведной драматизируется путем описания второй в позитивных, а первой в негативных тонах, даже если, по словам самих рассказчиков, они раньше «не грешили».

Кроме того, ряд процессов (обращение к богу, избавление от вредной привычки) описываются верующими как однократные события. Тем самым подчеркивается значение перехода от прошлой жизни к настоящей и момент уверования — в качестве переломного. Так, один из верующих, говоря о прекращении отношений с девушкой, занимавшейся колдовством, отмечает: «Как только (выделено нами. — Авт.) я переродился, я ей сказал: <...> «я теперь верующий, вот. Считаю, что то, что у тебя есть, это неправильно». Ну, короче, все. И все, и у нас переписка прекратилась, и все прекратилось» (С. Л., Тюмень, 10.02.2011). В другом нарративе рассказчик предпринимает попытку стать верующим на какое-то время, чтобы оценить свои силы. При этом само решение описывается как одномоментное: «Я пришел домой и решил (выделено нами. — Авт.) быть христианином. Думаю: “Но я такой тест-драйв проведу: я три дня побуду христианином (выделено нами. — Авт.), если получится — в путь!” Если не получится — что людям голову морочить? Буду приходить, петь с ними песни, а сам-то я не такой» (Е. К., Тюмень, 7.10.2011).

Дж. Джексон отмечает, что каждый христианин в своем личном свидетельстве различает «потерянного себя» (Lost Self) в греховном прошлом, отождествляемого с Другим, и «найденного себя» (Found Self), отождествляемого с истинным Собой⁷. Эта риторика, а также описанное выше «хронологическое расширение»⁸ религиозного нарратива особенно характерны для рассказов о конверсии.

¹ Ochs E., Capps L. Narrating the self // Annual review of anthropology. 1996. Vol. 25. P. 19.

² Интервью с пастором Церкви евангельских христиан «Преображение» г. Тюмени от 12. 08. 2005, Тюмень // Архив авторов.

³ О религиозных расколах в тюменских протестантских церквях см.: Поплавский (Коробко) Р. О. Место Церкви евангельских христиан-баптистов «Духовное Возрождение» в образовании ряда протестантских церквей в Тюмени в начале 1990-х годов // Свобода совести в России: исторический и современный аспекты. Выпуск 5. Сборник статей. М.: Российское объединение исследователей религии, 2007. С. 50–55; Поплавский Р. О. Церковные расколы в истории протестантских общин г. Тюмени (XX–XXI вв.) // Вестник Кемеровского государственного университета, 2011, №4. С. 43–47. Об общинах евангельских христиан в Тюменской области см.: Протестантизм в Тюменском крае: история и современность / Под ред. И. В. Боброва. СПб.: Изд-во С.-Петербург. ун-та, 2006. С. 91–100.

⁴ Мы определяем конверсию как процесс вхождения в религиозную общину, во время которого происходит изменение восприятия окружающей действительности в соответствии с принимаемыми религиозными взглядами, и последующей социализацией там же. В исследовании конверсии важно различать «драматический, личный и внутренний опыт» (переживание человеком встречи с Богом) и, с другой стороны, наблюдаемый «институциональный и формальный процесс вхождения в религиозное сообщество» (см. Darrol Bryant M., Lamb C. Introduction: Conversion: Contours of controversy and commitment in a plural world // Religious Conversion. Contemporary Practices and Controversies / Edited by M. Darrol Bryant, C. Lamb. London and New York. 1999. P. 7.). Следует отметить, что современная социология религии еще не может четко отделить конверсию-про-

цесс от конверсии-события. Зачастую в одном и том же исследовании используются оба значения понятия «конверсия». См. пример такого употребления в: Flinn F. K. Conversion: up from evangelicalism or the pentecostal and charismatic experience // Ibid. P. 56.

⁵ Snow D. A., Machalek R. The Sociology of Conversion // Annual Review of Sociology, 1984. Vol. 10. P. 173.

⁶ Ibid. P. 170.

⁷ Jackson J. L. ‘God’s law indeed is there to protect you from yourself’: the Christian personal testimonial as narrative and moral schemata to the US political apology // Language & Communication. Vol. 32. No. 1. P. 52.

⁸ Ricoeur P. Time and Narrative. Vol. 1. London, Chicago: University of Chicago Press, 1990. P. 66.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

Особое место религиозный (в том числе, конверсионный) нарратив занимает в пятидесятнической традиции, сама «суть пятидесятничества заключается в его устной природе»⁹. В. Холленвегер отмечает, что первым пятидесятническим общинам был присущ устный характер теологии, литургии и свидетельств¹⁰, унаследованный ими от афроамериканских общин «Движения Святости»¹¹. Ж.-П. Бастиан подчеркивает, что именно устная традиция и религиозный пыл отличают пятидесятнические общины от исторических протестантских церквей¹². Свидетельства об обращении к богу, личном спасении и крещении духом святым были и остаются нормой для богослужения и их евангелизационной деятельности¹³. Именно эти качества обусловили успех и быстрый рост пятидесятничества в ряде регионов с неписьменными народами. До сих пор теологии некоторых, особенно незападных пятидесятнических общин, а также история о развитии пятидесятничества в ряде регионов хранятся в памяти верующих¹⁴.

Устный способ передачи знаний, опыта и информации оказался актуальным и для регионов с развитой «книжной» теологией», став альтернативой последней и, через «демократизацию языка»¹⁵, позволив всем членам общины участвовать в создании теологии и истории пятидесятничества. «Церковь стала миссионерским содружеством, в котором свидетельства произносились постоянно, чтобы развить в слушателях добродетели, упование, отношение и опыт тех, кто свидетельствовал»¹⁶. Эти слова Стивена Лэнда можно экстраполировать и на современные пятидесятнические общины.

В данной статье мы проанализируем структуру и функции религиозных нарративов о конверсии на примере интервью с пасторами, служителями и рядовыми верующими, собранными нами в 2011–2012 гг. в пятидесятнических общинах юга Тюменской области и в Ханты-Мансийском автономном округе¹⁷.

⁹ Anderson A. Varieties, Taxonomies, and Definitions // Studying Global Pentecostalism / Ed. by A. Anderson, M. Bergunder, A. Droogers, C. van der Laan. Berkeley, Los Angeles, London: University of California Press, 2010. P. 26.

¹⁰ Hollenweger W. J. After Twenty Years' Research on Pentecostalism // Theology. 1984. Vol. 87. No. 720. P. 405.

¹¹ Hollenweger W. J. Pentecostalism and Black Power // Theology Today. 1973. Vol. 30. No. 3. P. 230. См. также: Synan V. The Holiness Pentecostal Movement in the United States. Grand Rapids, MI: Eerdmans, 1971. P. 165.

¹² См.: Chav n de Matviuk M. Latin American Pentecostal Growth: Culture, Orality and the Power of Testimonies // Asian Journal of Pentecostal Studies. 2002. Vol. 5. No. 2. P. 216.

¹³ См.: Ibid. P. 218.

¹⁴ Anderson A. The Origins of Pentecostalism and its Global Spread in the Early Twentieth Century // Transformation: An International Journal of Holistic Mission Studies. 2005. Vol. 22. No. 3. P. 177; Hollenweger W. J. After Twenty Years' Research... P. 405; Hollenweger W. J. Creator Spiritus: The Challenge of Pentecostal Experience to Pentecostal Theology // Theology. 1978. Vol. 81. No. 679. P. 38.

¹⁵ Hollenweger W. J. Pentecostalism and Black Power... P. 234; Hollenweger W. J. After Twenty Years' Research... P. 410.

¹⁶ Land S. J. Pentecostal Spirituality. London: Sheffield Academic Press, 1993. P. 80.

¹⁷ Сбор интервью проходил в рамках проектов по личным историям протестантских лидеров Тюменской области и изучению истории церкви «Слово Жизни» в ХМАО-Югре. При цитировании интервью ссылка на информантов делается следующим образом: в круглых скобках в тексте указываются инициалы, место проведения и дата интервью. В списке информантов указаны инициалы наших собесед-

Структура конверсионного нарратива

Структура конверсионного нарратива совпадает со структурой любого нарратива. Согласно ставшему классическим подходу У. Лабова, нарративы описываются как дискурсивные единицы с более или менее регулярной структурой. Так, в нарративах, описывающих личный опыт, выделяется вступительная часть (abstract); ориентировка (orientation) — описание того, где, как и когда случилось описываемое; оценка произошедшего (evaluation); решение по поводу произошедшего (resolution) и кода (coda)¹⁸.

Во вступительной части конверсионного нарратива рассказчик, как правило, описывает обстоятельства, предшествовавшие его/ее обращению к богу. Эта часть повествования драматизируется обилием негативных характеристик, подчеркиванием безвыходности и безнадежности положения и т. д. Наиболее частыми мотивами вступительной части конверсионного нарратива пятидесятников являются «пустота», «бесцельность существования», «желание покончить с собой». Данное психологическое состояние развивалось у наших респондентов на фоне семейных проблем: «к тому времени у меня уже разрушилась первая семья» (С. Л., Тюмень, 10.02.2011); «потери близких или болезней: «видел много крови, много гибели и сам потерявший своих близких и родных. Я просто не видел смысл своей жизни <...> я внутри был опустошён полностью» (А. П., Лянтор, 23.07.2011), «в связи с тем, что очень болела, я хотела отравиться» (Н. З., Нижневартовск, 17.07.2011); «нездорового образа жизни: «постоянная банальная пьянка и гулянка <...> мрак и жуть вот этот» (С. Л., Тюмень, 10.02.2011); проблем с трудоустройством: «у меня была проблема, связанная с работой. Меня вообще не брали на работу. Нигде» (А. П., Лянтор, 23.07.2011).

В этой части конверсионного нарратива во многом находят отражение проблемы, характерные для постсоветского пространства начала 1990-х гг.: этнические конфликты, нехватка денежных средств, распад коллективной идентичности в связи с исчезновением Советского Союза, нехватка рабочих мест и др.

На этом фоне центральное событие конверсионного нарратива — «встреча с Богом» — преподносится верующими как выход из ситуации; решение, перевернувшее их жизнь. При этом «встреча с Богом» может быть как результатом целенаправленного духовного поиска рассказчика, так и итогом внезапного столкновения с ним. Так, А. К. рассказывает, что «пытался приобщиться к православной культуре <...> хотя, вроде, какое-то прикосновение было, <...> понимал, что что-то существует, что-то есть, но реально с ним начать контакт <...> никак не мог» (А. К., Тюмень, 23.08.2011). Отметим, что религиозный поиск до обращения в пятидесятничество — довольно распространенная характеристика российских верующих. Так,

ников (в связи с тем, что некоторые интервью были даны на условиях анонимности), пол, статус в религиозной общине и дата прихода верующего в церковь.

¹⁸ Labov W. Language in the Inner City: Studies in the Black English Vernacular. Philadelphia, Pennsylvania: University of Pennsylvania Press, 1972. P. 363. См. также: Schiffrin D. Narrative as self-portrait: Sociolinguistic constructions of identity // Language in Society. 2009. Vol. 25. No. 2. P. 167–168.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

69,75% опрошенных нами членов пятидесятнических общин «Слово Жизни» в ХМАО ранее посещали богослужения в других общинах¹⁹. Мотив религиозного поиска в нарративах также является отражением ситуации начала 1990-х гг. в России, когда с либерализацией религиозной политики государства «религиозный рынок» пополнился большим количеством разнообразных религиозных течений.

В то же время «встреча с Богом» не всегда происходит на фоне каких-либо проблем. Так, Е. Ш., желая разобраться в том, что такое вера и кто такие верующие, попросил, чтобы ему подарили Новый завет, после неоднократного прочтения которого у него не осталось сомнений в существовании бога (Е. Ш., Тюмень, 8.02.2011).

На этапе «оценки» рассказчик рассматривает возможности, которые предоставляет ему вера в бога и членство в религиозной общине, или уже проявившиеся результаты своего обращения и принимает решение. Верующие чаще всего говорят о позитивном воздействии веры в их жизни: они избавляются от вредных привычек (А. П., Лянтор, 23.07.2011; И. М., Сургут, 22.07.2011), получают исцеления от болезней (В. Р., Нижневартовск, 20.07.2011), улучшают своё материальное положение (А. К., Тюмень, 23.08.2011).

Если по какой-то причине рассказчик принимал решение не посещать общину или не верить в бога, то в дальнейшем он мог вновь столкнуться с ситуацией «встречи с Богом» при иных обстоятельствах. В этом случае в конверсионном нарративе вновь повторяется структурный элемент «ориентация», за которым следует оценка вновь возникшей ситуации и очередное решение. Так, у одного из наших информантов болела мама, и он взял обет молиться три раза в день, чтобы она поправилась. Тем не менее, через год мама рассказчика скончалась, и его «это полностью отвратило от Бога». Через какое-то время он пробует вернуться к религии и пытается исповедаться, но во время исповеди понимает ее бессмысленность для себя и уходит из храма (В. В., Нижневартовск, 2.07.2012).

Постоянное повторение этапов «ориентация», «оценка» и «решение» является характерной чертой конверсионных нарративов пятидесятников, особенно тех верующих, чья автобиография содержит примеры религиозного поиска. Пересмотру текущего положения дел способствуют «осложняющие обстоятельства» («complicating actions»)²⁰, которые в нарративах верующих описываются как «кризисы веры». Эти кризисы могут быть связаны со смертью, болезнями, несчастными случаями, личными переживаниями и т. п. Согласно рассказам верующих, «встречи с Богом» и решительные перемены в жизни происходят чаще всего именно в ситуации кризиса. Именно кризисами обусловлено повторение этапов «ориентация», «оценка» и «решение», что делает «кризис» одной из центральных категорий конверсионного нарратива пятидесятников. Стивен Лэнд подчеркивает важность этой категории в пятидесятническом религиозном этосе и даже называет христианскую жизнь

процессом, развивающимся посредством кризисов («crisis-development process»)²¹.

Завершается конверсионный нарратив констатацией текущего на момент разговора положения дел, статуса рассказчика в общине, итогов его развития в духовном и материальном плане. Эта часть, как правило, содержит сравнения с обстоятельствами, предшествовавшими обращению к богу. Подобная кольцевая структура делает акцент на важности обращения к богу для верующего и позволяет вновь и вновь сравнивать жизнь человека до уверования и после него.

Причины обращения и конверсионные ритуалы в пятидесятнических нарративах

Большинство пятидесятнических конверсионных нарративов обязательно касается причин обращения, исполнения конверсионных ритуалов (покаяния, водного крещения и крещения духом святым) и, иногда, последующей социализации в общине.

Основной причиной обращения человека к вере выступают глубокое переживание, осознание наличия жизненных кризисов, которые невозможно решить самостоятельно, и желание их преодолеть. Такие кризисы могут быть связаны с болезнями, алко- и наркозависимостью, проблемами экономического и социального характера.

Например, С. Н. долгое время был алкоголиком. Его верующая жена пыталась каким-то образом влиять на мужа — приводя его на богослужения, молясь за него. При этом он, участвуя в большинстве религиозных ритуалов, оставался человеком неверующим. По его словам, он «с точки зрения атеиста вот это все перерабатывал». И толчком для его обращения послужило рождение внучки и необходимость создания положительного образа дедушки. «Две недели мы хорошо попили, потом меня нашли. Я был уже конкретный. Тут, значит, у меня должна была внучка первая родиться в феврале месяце, у меня что-то в голове крутилось, что вот сейчас попью и все, чтобы внуки мои меня пьяным не видели. Меня повезли в больницу, неделю я пролежал, меня капали. Тогда-то и пришло спасение» (С. Н., Нижневартовск, 18.07.2011).

В другом случае переломным моментом оказалось отсутствие смысла жизни и выбор между самоубийством и началом новой жизни. После развода и запрета общения с ребенком А. М. думал о самоубийстве: «я помню, я стоял на крыше <...> и у меня были мысли, что просто взять и скинуться. Потому что, на самом деле, смысла больше нет» (А. М. Нижневартовск, 18.07.2011).

Путь в религию через глубокое переживание присущ верующим любых конфессий. По мнению Л. П. Ипатовой, «следующие “трагическим” путем обращаются к Богу, как правило, только в самом крайнем случае, когда своих сил принять существующее положение вещей и адаптироваться в пост-трагических условиях уже не хватает». Хотя цитата относится к православным женщинам, она может быть распространена и на представителей других конфессий и деноминаций. Об этом же говорят и исследования С. В. Кардинской и А. С. Сют-

¹⁹ Опрос проводился в 14 общинах в разных населённых пунктах округа по квотной выборке, согласно вкладу каждой общины в генеральную совокупность. Всего было собрано 552 анкеты (ошибка выборки 3,6).

²⁰ Labov W. Op. cit.

²¹ Land S. J. Op. cit. P. 78, 97.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

кина: «В прошлом каждого из информантов имеет место травматический опыт, предельная ситуация, прерывающая привычный ход вещей, выводящая персонажа повествования “из равновесия”».

Сами верующие также считают, что в основе их обращения лежат какие-то жизненные проблемы: «Как в Библии написано, что многие приходят к Господу, когда в жизни есть трудности, то есть проблемы какие-то, вот такой момент наступил в моей жизни и, в общем-то, даже не смотря на то, что это было для меня на тот момент трагическое событие <...>, сейчас по прошествии я просто благодарю... Благодарна Господу, что вот именно такой момент наступил в моей жизни. Вот, потому что это был переломный момент» (В. Р., Нижневартовск, 20.07.2011).

В нарративах рассказы об обращении и совершенных ритуалах (покаянии и водном и духовном крещении) могут быть непоследовательными. Зачастую покаяние (как первый из конверсионных ритуалов) выступает своеобразным «зачином» для всего нарратива, т. к. после констатации своего покаяния — «я покался» — следует объяснение причины прихода в общину или интереса к религии. Верующие, рассказывая о своем покаянии, сравнивают ощущения «до» и «после»: «Мне настолько стыдно было, мне кажется, что все смотрят на меня, знают, какая я там, и грязная... и грешная, и все... Я начала осознавать — читала ж Библию, что грех, там, что... Мне так стыдно было... А пастор говорит: “Давайте закроем глаза, чтоб не смущаться” Я закрыла быстренько, чтоб не видеть, мне казалось, что они такие все... злые или что... побьют меня сейчас, что я такая грешница или что (выделено нами. — Авт.)... И когда прочитали, я повторила молитву... и уже сказала “аминь!” — у меня такое вот — как будто я выдохнула что-то, что-то вдохнула, как будто вынырнула, и смотрю, они все хлопают, они все радуются, они все такие красивые, они все добрые такие (выделено нами. — Авт.). Я вижу, какие они хорошие» (Л. В., Сургут, 21.07.2011).

При этом говорить о (не)осознанности покаяния нельзя. Потому что большинство информантов не представляют в своих рассказах четких воспоминаний об этом моменте. Особенно если покаяние происходило не на богослужении или не было отрефлектировано в дальнейшем. Например, один из наших собеседников, рассказывая о знакомстве с пятидесятниками, про свое покаяние говорит следующее: «Я даже не помню этого всего. Я как-то... Я не придавал этому значения, как чему-то... Знаешь, это мы уже потом понимаем, что это какая-то история жизни, значимые вещи. А тогда было так как-то. Конечно, внутренне было как-то иначе... То есть, я вышел, покался, хотя я думаю основное покаяние было, когда было прикосновение, когда я был в трансе, глубокое осознание, раскаяние — в этот момент. <...> Я даже не помню даты, я даже не считал, что произошло что-то такое, что я должен зафиксировать (выделено нами. — Авт.)» (В. В., Нижневартовск, 18.07.2011).

Еще один рассказчик тоже с трудом вспоминает о том, как произошло его покаяние. Можно предположить, что он, скорее, реконструирует то, как это должно происходить в идеальном случае: После нашего уточняющего вопроса, покался ли он на первом служении, наш собеседник говорит: «Наверное,

на первом. Не знаю, насколько это осознанно. Я не знаю, что тогда со мной произошло, было ли это осознанно (выделено нами. — Авт.). В традициях наших церквей есть такое, что мы призываем к покаянию на первых собраниях». Хотя до этого прозвучало: «Я стал ходить в церковь. Сразу же, через несколько месяцев (выделено нами. — Авт.), я покался» (И. М., Сургут, 22.07.2011).

Такое забывание ритуала подтверждает наше предположение о том, что покаяние зачастую произносится человеком, не отрефлектировавшим свои действия. Кроме того, не все покалявшиеся в дальнейшем остаются в религиозной общине.

После покаяния наступает время для следующего конверсионного ритуала — крещения водой. В протестантизме оно однозначно трактуется как смерть прежнего неверующего и рождение нового верующего человека. При этом каких-то особых впечатлений от принятия крещения у верующих не остается. Мы делаем этот вывод на основании того, что почти никто из наших информантов не вспомнил о своих ощущениях после крещения, даже если задавались уточняющие вопросы²². Некоторые помнят дату, когда это произошло, или город и церковь, в которых совершался обряд. Интересно, что так же, как и в случае с покаянием, при понимании крещения как одного из важных этапов для включения в церковную жизнь, не все пятидесятники вспоминают, как это происходило именно с ними. В основном, рассказывается о внешнем церемониале, как это могло или должно, по мнению рассказывающего, выглядеть со стороны. «Вот наступил этот день торжественный. Мы сначала, там такое пространство было возле бассейна, поставили группу прославления, они славили Бога. Затем пастор сказал слово. После этого мы пошли в раздевалки переодеваться. Затем пастор и еще один служитель опустили вниз бассейна по грудь. Затем еще один служитель возле лестницы встал. Люди по одному начали спускаться в бассейн. Пастырь торжественно провозглашал: “Крещу тебе во имя Отца, и Сына, и Духа Святого”. И всех окунали» (И. С., Нижневартовск, 19.07.2011). Интересно, что И. С. помнит или реконструирует слова крестящего пастора, но не вспоминает, что в этот момент крестящемуся задается несколько вопросов. Уже это подчеркивает, что информант создает внешнюю картинку, не останавливаясь на собственных ощущениях.

При рассказе о крещении пятидесятникам приходится всегда уточнять, какое именно крещение имеется в виду: водное (крещение водою) или духовное (крещение духом святым). У пятидесятников крещение духом закреплено в вероучении и является неотъемлемым элементом религиозной жизни. Свидетельством крещения чаще всего становится «говорение на иных языках», или глоссолалия. Рассказы об опыте духовного крещения передают экстатические переживания верующих, в качестве доказательства схождения святого духа выступает ощущение невозможности самостоятельного

²² Наш вывод совпадает с выводом Генри Гурена, который, анализируя интервью с пятидесятниками из США и Южной Америки, отмечает, что водное крещение перестало быть центральным ритуалом конверсии в пятидесятнической общине. См. Gooren H. Conversion Narratives // Studying Global Pentecostalism... P. 97.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

управления своим телом и речью. Один из верующих вспоминает об этом так: «Я стоял на молитвенном собрании, где большая часть молилась на иных языках. Я не был крещен Духом Святым, поэтому молился на русском языке. В момент молитвы, когда я произнес: “Господь Бог, благодарю...”, вдруг со мной начало что-то происходить. Как будто свело челюсть, язык отяжелел и такое ощущение, что он начинается выворачиваться внутри. Затем изнутри меня вырвался поток некоей силы, и я начал говорить быстро и непрерывно на непонятном мне языке. Это не были просто отдельные слова, а целые предложения. Во время молитвы менялись не только слова, но и интонация. Молитва продолжалась не менее часа. Вот так произошло мое крещение Духом Святым» (В. В., Нижневартовск, 18.07.2011).

В целом, для пятидесятнических церквей характерно обращение к личным переживаниям проповедника²³ или верующих. Поэтому для них рассказ о религиозных переживаниях и первых шагах на пути к спасению воспринимается как своеобразная возможность поделиться или сравнить имеющийся опыт. Можно утверждать, что большинство свидетельств сконструированы и откорректированы для лучшего восприятия слушателями. Те, кто ранее уже посещал христианскую (протестантскую) общину отмечают, что обращение для них — это «углубление веры». Те, кто был ранее неверующим, описывают свою жизнь до обращения в негативных терминах; «их рассказы наполнены свидетельствами об алкоголизме, депрессии, отсутствии пути и т. д.»²⁴.

Роль собеседников в построении нарратива

Нарративное интервью — не односторонний акт рассказчика, а результат его общения со слушателем²⁵. Своими вопросами последний может направить нарратив в интересующее его русло; своей реакцией или её отсутствием, интересом или безразличием он может заставить рассказчика продолжить рассказ или прекратить его; опустить объяснение отдельных моментов или, напротив, раскрыть их подробнее. Сами характеристики слушателя могут изменять нарратив. Так, в случае с конверсионными нарративами рассказ верующего во многом зависит от того, является ли слушатель верующим или нет; а если слушатель верит в бога, то — какой статус в общине он занимает. В последнем случае мы можем выделить разговор с рядовым членом церкви или с новообращённым. В каждом случае кон-

версионный нарратив будет преследовать определённые цели и выполнять различные функции.

Так, в разговоре с неверующим рассказчик-пятидесятник может привести большое количество примеров действия бога в его/ее жизни, заставляя слушателя переосмыслить своё отношение к религии. В этом случае религиозный нарратив выполняет апологетическую, евангелизационную функцию. Иногда в течение рассказа роли собеседников могут меняться: верующий начинает задавать вопросы неверующему, и последний становится рассказчиком.

Нарратив, адресованный новообращённому, также содержит множество примеров того, каким образом бог помогал рассказчику в жизни. Однако эти примеры уже не несут евангелизационной функции, так как слушатель является верующим — рассказчик таким образом передает, а его собеседник усваивает основные темы, доктринальные положения и лексику, свойственные конкретному движению или даже отдельной общине. Другими словами, разговор с новообращённым социализирует новых верующих в общине и выполняет дидактическую функцию. Кроме того, в нарративе транслируются организационные схемы устройства общины и поведения в ней²⁶. Таким образом, с помощью нарратива в общине выстраиваются межличностные отношения и членство в общине²⁷.

Нарратив, в котором и слушатель, и рассказчик — рядовые верующие, помимо дидактической функции, выполняет функцию создания и поддержания коллективной идентичности. С одной стороны, это акт самоутверждения рассказчика как члена общины, с другой — акт сплочения этой общины вокруг общих тем и схожего опыта²⁸.

Независимо от собеседника, в конверсионном нарративе каждый раз происходит конструирование новой религиозной идентичности рассказчика, который в процессе повествования сталкивается с различными реакциями слушателя, с темами и случаями, которые заставляют его переосмыслить собственный опыт, который в дальнейших рассказах выразится в новых этапах «ориентации», «оценки» и «решения».

***

Конверсионный нарратив является одним из центральных элементов пятидесятнической религиозной традиции. В разговорах с верующими и неверующими о драматическом опыте своего религиозного обращения пятидесятники акцентируют внимание на периодических «кризисах веры». Именно эта категория обуславливает повторение этапов «ориентация», «оценка» и «решение» в структуре религиозного нарратива.

Конверсионный нарратив отражает не только нюансы индивидуального опыта индивида, но и особенности религиозной традиции, к которой он относится, среди которых осо-

²³ Например, в одной из проповедей пастор нижевартовской церкви «Слово Жизни» В. Витюк рассказывает прихожанам о моментах разочарования, когда Бог не отвечал на его молитвы (Витюк Василий. «Для чего я живу?». 11 декабря 2011 // Vimeo. URL: <http://vimeo.com/33544372>); в другой — делится воспоминаниями из детства (Василий Витюк. «Рождество Иисуса Христа». 25 декабря 2011 // Там же. URL: <http://vimeo.com/34196658>), как и неделей ранее И. Самчинский (Игорь Самчинский. «Старость в радость». 18 декабря 2011 // Там же. URL: <http://vimeo.com/33856958>).

²⁴ Coleman S. Continuous Conversion? The Rhetoric, Practice, and Rhetorical Practice of Charismatic Protestant Conversion // *The Anthropology of Religious Conversion* / Edited by A. Buckser, S. Glazier. Lamham, Maryland: Rowman & Littlefield Publishers, Inc. P. 20.

²⁵ Пузанова Ж. В., Троцук И. В. Нарративный анализ: понятие или метафора? // Социология: 4М. 2003. № 17. С. 63. Wells, K. Narrative Inquiry. Oxford University Press, 2011. P. 6.

²⁶ См.: Polletta F., Chen P. C. B., Gardner B. G., Motes A. The Sociology of Storytelling // *Annual Review of Sociology*. 2011. Vol. 37. P. 115; Währisch-Oblau C. The Missionary Self-Perception of Pentecostal/Charismatic Church Leaders from the Global South in Europe: Bringing Back the Gospel. Leiden: Brill, 2009. P. 86.

²⁷ См.: Ochs E., Capps L. Op. cit. P. 19; Polletta F., Chen P. C. B., Gardner B. G., Motes A. Op. cit. P. 112–113.

²⁸ См.: Coleman S. Op. cit. P. 17.

НАРРАТИВНЫЙ ПОВОРОТ / NARRATIVE TURN

ПОПЛАВСКИЙ Роман Олегович / Roman POPLVASKY, КЛЮЕВА Вера Павловна / Vera KLYUEVA

| «Как только я переродился...» |

бое восприятие времени; а также особенности социальной реальности в период, предшествующий обращению. Нарративы верующих об их «встрече с Богом» довольно разнообразны, но их «хронологическое измерение», центральное место категорий «кризис» и «религиозный поиск», а также наличие общих тем и характерной для пятидесятнической традиции лексики позволяют говорить о том, что конверсионные нарративы строятся по определённой, приемлемой

для общины модели. Верующие в процессе разговора передают собеседнику не только «правила» построения нарратива, но и правила поведения в общине. Тем самым нарратив выполняет функцию формирования и поддержания индивидуальной и коллективной религиозной идентичности. И этот процесс непрерывен в связи с тем, что «истории порождают истории»²⁹.

²⁹ Polletta F., Chen P. C. B., Gardner B. G., Motes A. Op. cit. P. 122.

Список информантов

А. К., муж., пастор, 1992.

А. М., муж., пастор, 2000.

А. П., муж., пастор, 1995.

В. В., муж., пастор, 1989.

В. Р., жен., служитель, 1992.

Е. К., муж., служитель, 1989.

Е. Ш., муж., пастор, 1989.

И. М., муж., помощник пастора, 1994.

И. С., муж., служитель, 1992.

Л. В., жен., прихожанка, 1994.

Н. З., жен., прихожанка, 1993.

С. Л., муж., пастор, 1992.

С. Н., муж., служитель, 1998.

